DOI: 10.17117/na.2015.09.1510

Поступила (Received): 27.09.2015

<http://ucom.ru/doc/na.2015.09.1510.pdf>

Кажарова И.А. Поэзия Р. Ацканова: черты идиостиля

Kazharova I.A.
Poetry R. Atskanov: idiostyle features

В статье исследуются черты идиостиля современного адыгского поэта Р. Ацканова. Показаны интонационные и графические особенности его поэзии, выявлена их связь с концептуальными установками, обусловившими, в свою очередь, выбор доминантных образов и мотивов, лексические и композиционные способы их передачи.

Ключевые слова: идиостиль, интонация, концептуальные установки, образ, лексика, композиция

The article examines the characteristics of modern idiostyle Adygeyan poet R. Atskanov. Showing intonation and graphic features of his poetry, revealed their connection with conceptual installations, contributing to, in turn, the choice of the dominant images and motifs, lexical and compositional methods of their transmission

Key words: idiostyle, intonation, conceptual installation, image, vocabulary, composition

Кажарова Инна Анатольевна

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований

г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Kazharova Inna Anatolevna

Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher Kabardino-Balkar institute of humanitarian studies

Nalchik, Pushkin st., 18

Наиболее явная особенность индивидуального стиля современного адыгского поэта Руслана Ацканова – размеренность интонации. Она привлекла к себе внимание еще в начале его художественного пути [2, с. 138], а уже в зрелый период творчества выступила основным определителем неадекватности переводов его стихотворений на русский язык. Так, Н.А. Шогенцукова обращает внимание на то, что в русскоязычных переводах присутствует множество восклицательных знаков, в то время как оригинал свидетельствует о крайне экономном его использовании. «Утверждение, назидание, вывод – наиболее частые модели в стихах наших поэтов. У Ацканова же в абсолютном большинстве стихов присутствует вопрос. Он спрашивает, ищет ответа, но не решает» [3, с. 37]. Надо заметить, к этому же призывает и графическое оформление его строф, в которых новая строка начинается со строчной буквы всякий раз, если предшествующая не завершается точкой, так, графическим способом, удерживается цельность мысли и дыхания, нежелательность «дробления» их ритмическими остановками.

В его поэзии нет спонтанных переживаний и это одна из причин того, что отточенная мысль Р. Ацканова, способная иной раз ошеломить своей глубиной и пронзительностью, никогда не обнаруживает в себе «радость открытия», не тяготеет к эмоциональной приподнятости. Другая причина такой уравновешенности – в области доминантных представлений поэта, концептуальных установок, о которых свидетельствует его образная система. Почти в каждом стихотворении Р. Ацканов всматривается в законы этого мира, в характер бытия, который, по его мысли, в основе своей из века в век остается неизменным, но каждый раз художественное овладение этими законами совершается в недрах души лирического субъекта, не выходит за пределы так называемой «внутренней жизни» человека. Его лирический субъект совершенно чужд бунтарства, какого-либо противодействия внешнему миру. Напротив, он в постоянном взаимодействии с миром, и не потому что ищет компромиссы, а потому что наделен способностью ощущать себя привычным ему, принимать неизбежную связь законов собственного существования и законов бытия. В констатации даже самых тягостных явлений он отчетливо прозревает укорененность своей жизни в бытийственную целостность, тонко просматривая некую предопределенность в явлениях духовной жизни: «ЩІэкІуэсыкІуу йокІуэкІыр си гъащІэр,/ сыщІэпсэум щыщ Іэджи слэщокІ./ Сужэгъунщ псэр зищІысыр къэзгъащІи,/ Гугъэр щэхур зэбэкІым йопщІэкІ» [1, с. 5]. – «Тихо убывая, проходит моя жизнь,/ многое, ради чего живу, уплывает из моих рук./ Наскучит (она), если дашь мне понять, что есть душа,/ Надежда облепляет собой то, в чем тайна с избытком». (Здесь и далее подстрочные переводы наши. – И.К.).

Размышления о быстротечности жизни, ее конечности, о мимолетности юности, невозвратимости былого, о том, что мудрость – это плата за уходящую молодость и, в конечном итоге, за убывающую жизнь, постоянны в лирике Р. Ацканова. При этом нет места подавленности и пессимизму, герой всегда помнит, что ночь и день сменяют друг друга. Но он бесконечно далек и от романтически восторженного восприятия мира. Можно сказать, что поэзия Ацканова живет однажды открытой и прочувствованной ею полновесностью мира, ощущением его сложной целостности, она прозревает взаимное переплетение материального и духовного, черного и белого, добра и зла, жизни и смерти. Поэтому глаголы *зыпхыплъын*, *зэпхыщын*, *зэпхыкІын* («смотреть сквозь, прозревать», «виднеться, просвечивать сквозь что-л.», «проходить сквозь») в его поэтической лексике высоко частотны, что красноречиво характеризует способ его мировосприятия: «А псор зи жагъуэ мывэр уфІыцІащ, / и гуцхъэм щызэблэкІыр къызэпхыщу» [1, с. 10]. «Камень, которому все это тяжело, почернел,/ и (тем) происходящее в его сердце *прозревается*»; «Бзум и нэгум ди нэгур къыпхоц» [1, с. 24]. – *Сквозь лик птицы просвечивает наш лик*; «И плъэкІэр къуаргъым си псэм пхокІ» [1, с. 94]. – *Взгляд ворона проходит сквозь мою душу*. Эти глаголы свидетельствуют о проницаемости границ, некоем единстве, в котором все всегда узнает друг друга (иначе в его «картине мира» быть не может), но опять же, эти узнавания и открытия не порождают восторженности, лишь спокойно констатируются им как «всего лишь жизнь». Такая зыбкость и

прозрачность привычны в сновидениях, и, вероятно, поэтому сновидение – излюбленная форма презентации образов в лирике Р. Ацканова.

Одна из ярких черт его индивидуального стиля – умение различать грани между разными явлениями, улавливать переходы между состояниями действительности и человеческого сознания. Взаимодействие сна и яви, ночи и дня, сложная целостность, в которую они вовлечены, очень тонко и выразительно воссоздается в целом ряде его произведений («Огонь тревожно меркнет в очаге...», «Страшась кончины, я смеюсь...» и др.). Стремление и умение видеть одно явление сквозь другое основывает на уровне формы рамочную композицию многих его произведений. В заключительной строфе повторяются образы и синтаксические конструкции первой строфы, что заставляет мысленно вернуться к началу и увидеть одну и ту же ситуацию в разных состояниях. Композиционные рамки всегда создаются Р. Ацкановым по-разному. Иногда через анафорический подхват возникает обратное движение, соотносящее итог и начало, и мы глядим вглубь воссоздаваемого; иногда можно наблюдать обычную перемену мест, где одно просвечивает через другое («Дыхание вселенной слышится над землей...»); иногда соотношение начала и конца создает зеркальное отражение на уровне синтаксиса, но – полную асимметрию на уровне образов («Чья тяжесть подобна земле...»).

Сопоставление мира земного и мира небесного, сущностное для поэтического мышления вообще, занимает определенное место и в лирике Р. Ацканова. Один из образов, выступающий связующим звеном двух миров – это *си гупсысэ* («моя мысль»). При этом *гупсысэ*, *гухэлъ* («мысль», «мечта»), часто выступающие доминантными образами, в контексте его поэзии эквивалентны понятию «псэ» («душа»), что, в свою очередь, соответствует поэтическому «я» Ацканова. Мысль, подобно душе, хоть и «обитает» на земле, устремлена к миру небесному. Поэтому *гупсысэ/псэ* нередко соседствует с образом *хьэрш* («загробное пристанище душ»): «Вагъуэ бжыхьым псэ хьэлэлу щы́лэр йопщ́, / хьэршым нэсќлэ къыќлэуэсыќхэри яхэту. / А бжыхь джабэм уафэ ќлапэ кыщегъуэтри, / си гупсысэм ел́лэлáпэу абгъуэ ещ́» [1, с. 23]. – «К звездной ограде лепятся все добрые души, / и (есть) те среди них, кто достигает вечного пристанища. / На этой ограде отыскав лоскут неба, / моя мысль старательно устраивает себе гнездо». Примечательно, что, показывая устремленность мысли к небесам, задействуя понятие *хьэрш*, поэт представляет последнее в образе дерева, на котором восседают птицы-мысли. Мысль, дерево, птица, небо, *хьэрш* почти всегда оказываются в одной связке. Дерево читает мысли лирического героя, шумом листвы перебивает его слова («Дыхание вселенной слышится над землей...», «Мы являлись, вселенная шла нам навстречу...» и др.). Мысль же пребывает на границе двух миров: едва достигнув небесной высоты, она окликается земным голосом и вновь возвращается на землю («Си гупсысэм зы макъ гуэр къыќлэ́лгъыджэ́нщи, / мис арыххэу щ́лым и куэщ́ къыхутэжынщ́» [1, с. 23]. – «Мою мысль окликнет какой то голос, / и вот, мгновенно она вновь окажется на коленях земли»), а будучи на земле, она окликается голосом птицы («Самое короткое из писем, доставленных осенью...»). Таким образом, черты идиостиля Р. Ацканова отчетливо определяются на разных уровнях его поэзии: на уровне

интонации, концептуальных установок, которые, в свою очередь, мотивируют образный отбор, лексику, композиционное и графическое оформление его произведений.

Список используемых источников:

1. Ацкъан Р. Усэхэр (Ацканов Р. Стихотворения). Нальчик, 2007. 176 с.
2. Тхагазитов З.М. Путь развития. Нальчик, 1987. 250 с.
3. Шогенцукова Н.А. Лабиринты текста. Нальчик, 2002. 224 с.

© 2015, Кажарова И.А.

Поэзия Р. Ацканова: черты идиостиля

© 2015, Kazharova I.A.

Poetry R. Atskanov: idiostyle features